

**Где Дух Господень, там свобода.
(Правда и вера в поэзии узников ГУЛАГа)**

Опубликованный недавно том стихотворений «Поэзия узников ГУЛАГа» свидетельствует, что в творчестве заложена пружина сопротивления произволу, что гармония неподвластна насилию. Гармония, как присутствие и воплощение святого Духа.

Было такое изощрённое издевательство в сталинских лагерях: по команде «Стой! Садись!» уронить колонну заключённых в грязь, в дорожную жижу. Не подчинившихся расстреливали тут же. Были неподчинившиеся... И бывали случаи, когда конвой оставлял их в живых, не тратил пулю.

Спокоен, прям и очень прост,
Среди склонённых всех,
Стоял мужчина в полный рост
Над нами, глядя вверх.

.....

... мне высокий и прямой
запомнился навек
над нашей согнутой спиной
стоящий человек.

(Елена Владимирова)

Положение искусства на службе узурпаторской власти сравнимо с колонной эзков, подгоняемой конвоем. Одни сгибались из безразличия, другие из чувства самосохранения, а третьи, сгибаясь, корчились и стыдились. Положение всех было унижительным. Но положение осмелившихся — смертельным.

Протест против насилия это проявление искры Божьей в человеке, неистребимой Богоносной сущности. Уж, если там, в железной давяльне человек сопротивлялся злу, значит неистребимый огонь поддерживается в нём сверхчеловеческими силами.

Поэзия ГУЛАГа скорбная страница в русской литературе. Скорбная и героическая. Впрочем, таковой можно считать всю русскую литературу советского периода, преодолевшую гнёт каннибальской идеологии.

Известно стихотворение Мандельштама о Сталине «Мы живём, под собою не чуя страны». А оно было далеко не единственным. Отваживались и другие поэты говорить правду о тиране, пьющем ”кровь, как цинандали на пирах“. Это слова Анатолия Клещенко. Он и на суде от своих — расстрельных — стихов не отрёкся:

Канал имени Сталина

Ржавой проволокой колючей
ты опутал мою страну.
Эй, упырь! Хоть уж тех не мучай,
Кто умильно точа слюну,
Свет готов перепутать с тьмою,
Веря свято в твоё враньё...
Над Сибирью, над Колымою
Вьётся тучами вороньё.
Конвоиры сдвигают брови,
Щурят глаз, чтоб стрелять ловчей...
Ты ещё не разбух от крови?
Ты ещё в тишине ночей
Не балуешься люминалом
И не просишь, чтоб свет зажгли?
Спи спокойно, мы — по каналам
И по трассам легли навалом,
Рук не выпростать из земли.
О тебе вспомнят наши дети.
Мы за славой твоей стоим,
Раз каналы и трассы эти
Будут именем звать твоим.

Оболваненные массы обожествляли вождей, бесстрашные поэты их развенчивали. А то и глумились, как Павел Васильев в своей убойной сатире «Ныне, о, муза, воспой Джугашвили, сукина сына»

Туземцы на островах ГУЛАГа идола не поклонялись.

Разумеется ценность поэзии не исчерпывается жизненной позицией и поступком поэта. Но и без поступка она мало что значит. Пушкин обронивший однажды (вспоминает

Гоголь) «Слова поэта суть уже его дела», понимал слово, как действие, как совершённый поступок.

Поэзия была спасительна и сама по себе, независимо от её духовных устремлений.

«Ведь пока есть стихи, человек до конца человек,
Для себя разорвавший любые наручные путы».

(Александр Гладков)

Там, где личность нивелируется, стёсывается карательной машиной, творчество удерживает её от распада. У заключённых проявляются таланты. Можно создать уникальный музей творчества заключённых — краснодеревщиков, резчиков, скульпторов, переплётчиков книг, поэтов, иконописцев... В колонии под Рыбинском, — это уже наше время — уверовавший, бывший уголовник, расписал иконостас в молитвенной комнате... А выйдя на свободу и приняв постриг, стал расписывать храмы. Раньше кисть в руки не брал.

Творчество действует, как магнит в процессе собирания личности. Человек живёт, пока творит. И в этом он уподоблен Творцу. Отец Александр Мень говорил, что дьявол начинается там, где кончается творчество.

Я не хочу сказать, что тюрьма благоприятна для развития личности. Но невольное страдание, как русло реки может дать развитию верное направление. Ведь выход из неволи один — в свободу, которая равновелика Истине. («...и познаете истину и истина сделает вас свободными»). (Ин.8:32)

Многие сочинители, не имея карандаша и бумаги, стихи складывали в уме и заучивали. Запоминались тысячи строк. Что, между прочим, влияло и на память — вспомогательный духовный инструмент. Это вынужденный и малоэффективный способ сочинительства. Так сочинял свои стихотворения Солженицын. В художественной ценности они уступают его прозе. Заболоцкий держал в памяти на протяжении всего каторжного срока всего два сочиненных стихотворения. И только, когда записал, когда положил на бумагу, мог по достоинству оценить их.

Поэзия пластическое искусство. В литературном творчестве участвуют все органы чувств, включая зрение, осязание. Пушкин писал стихи «оглодками» перьев (выражение Пущина), почти касаясь пальцами бумаги. Поэт не только губами лепит звук. Он ваятель. Слово имеет видимую оболочку. Оно сообщается с предметом, опредмечивает смысл.

Татьяна Григорьевна Гнедич, потомок Н.И. Гнедича, переводчика «Илиады», обладала феноменальной памятью. Она помнила наизусть всю поэму Байрона «Дон Жуан». Оказавшись в тюрьме, в одиночной камере, стала переводить её в уме, без карандаша. И перевела две главы. Её следователь оказался порядочным человеком (были

и такие, быстро, правда, и сами становились узниками). Узнав о её устном творчестве, он передал ей бумагу и карандаш, и книгу Байрона на английском языке. При его содействии перевод ушёл на волю, где его, предлагая к изданию, высоко оценил Лозинский.

Творчество выживало и под конвойным прицелом. Оно преодолевало бесчисленные заграждения, особенно на пути к Богу. «О, Господи, услышь мой плач!» (Анатолий Александров). Отчаяние, обращённое к Творцу Вселенной, обретало силы. Стрдание, навверное, неизбежно, как начальная школа для тех, кто хочет дойти ”до самой сути“ (Пастернак) происходящего, постигнуть смысл жизни. ” Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим“(Пс.118:71) — говорит псалмопевец. Обретшие веру видели, что любое их положение не безнадёжно, что в окружающем кошмаре есть состояние от кошмара не зависящее

Он вернёт из любой разлуки,
Вознесёт из любой глубины.
Предаюсь в его крепкие руки
И спокойные вижу сны.

Александр Солодовников

Это на нарах-то видеть спокойные сны?! В городской квартире, куда как раз ночью и вламывались ”дорогие гости“?! Да, именно там, у смерти на краю, самые независимые из бесправных обретают жизнелюбие и тайную свободу.

А вот свидетельство Варлама Шаламова, к Божьей помощи непосредственно не обращавшегося. Но он был из числа тех, кто осмеливался не подчиниться. Божья милость анонимно вставала на сторону неподчинившихся — при любом конечном исходе. И так или иначе они чувствовали её поддержку, хотя и не любили говорить об этом, как считает Шаламов: «ибо арестанты не любят религиозных тем». (Однако, далеко не все, если судить по их творчеству). Шаламов вспоминает: « Я знал... и карцер Чёрного озера, где вместо пола была ледяная вода, а вместо нар — узкая скамейка. Мой арестантский опыт был велик — я мог спать и на узкой скамейке, видел сны и не падал в ледяную воду».

Евфросиния Керсновская, оставившая нам свой бесценный опыт сопротивления насилию, тоже не любила религиозных тем. Очень осторожно, я бы сказал деликатно, объясняет она чудо своего спасения — молитвой матери. Мы же, оценивая её литературный и изобразительный талант, видим, что её личность обладала колоссальным культурным потенциалом и христианским воспитанием. Культура, взращённая верой, помогла ей выжить на кругах ада. Помощь Божия присутствует в таком опыте

прикровенно, без упоминания всуе, на уровне нравственного закона. Гуманитарное сознание обходилось без Церкви, которая, к тому же, была устрашающе скомпрометирована светской властью.

Шаламов не считал себя религиозным человеком, намеренно подчёркивал это, но в намеренности скрыто особенное внимание к предмету. И он пристально констатирует: «Одна группа людей сохраняет в себе человеческий образ — религиозники: церковники и сектанты.» И далее «...более достойных людей, чем религиозники, в лагерях я не видел. Раствление охватило души всех, и только религиозники держались». Обратите внимание на определение без конфессиональных различий. Не православные, не католики, а — религиозники. (Протестантов в ту пору относили к сектантам). Единство Святого Духа объединяло всех.

Шаламов пишет о Мандельштаме, умирающем на нарах: «Стихи были той животворящей силой, которой он жил». И в другом рассказе, уже о себе: ”Я знаю, что у каждого человека здесь было своё *самое последнее*, самое важное — то, что помогало жить, цепляться за жизнь, которую так настойчиво и упорно у нас отнимали. Если у Замятина (священника — А.З.) этим последним была литургия Иоанна Златоуста, то моим спасительным последним были стихи — чужие любимые стихи, которые удивительным образом помнились там, где всё остальное было давно забыто, выброшено, изгнано из памяти. Единственное, что ещё не было подавлено усталостью, морозом, голодом и бесконечными унижениями“. Никто не знает, как умирал Мандельштам. Шаламов описал его смерть, исходя из своих ощущений. Поэзия для Мандельштама всегда была знаком присутствия Божия. Как и для Шаламова, только под другим именем. В том беспросветном мире, как на океанском дне, где под чудовищном давлением обитают расплюснутые организмы, поэзия казалась иноприродным явлением. Это особенность его взгляда, давшего нам монотонную картину бездны.

За стихи запрещённых поэтов, в которых слышалось Слово Божие, сажали. Они были всё же отдалённой проповедью при молчащей Церкви.

Виктор Некипелов, узник брежневской эпохи. Её сегодня ностальгически приукрашивают близорукие политики. Она мытарилась и в тюрьмах и на поселении. И в конце концов оторвала, уже смертельно-больного за границу — за границу своего великодержавного утробия. Он тоже не выставлял напоказ своё вероисповедание. Но Дух, дышащий, где хочет, коснулся его неукротимого голоса.

Баллада о третьем обыске

”В начале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог“ (Ин.1:1)

Такого шмона, право,
Ещё не видел мир.
Нагрязнула орава
Изысканных громил.

Не прежних белоручек, —
Отменных мастеров.
Промяли каждый рубчик,
Вспороли каждый шов.

Какой-то хитрый лазер
Таращил мутный глаз.
А самый главный — слазил
Руками в унитаз...

А я, как будто дачник,
Смотрел на тот погром.
Что ищут? Передатчик?
Иль провод в Белый Дом?

Но было всё не ново,
Я знал: и в этот раз
Они искали Слово,
Которое вне нас.

Которое взмывало
Голубкою с руки,
Которое взрывало
Их троны и замки.

Грозило, как комета,
Томило, как гроза,
Наполнив душу светом
И радугой глаза.

Пылало, как горнило,
Облив зарёй восток.
Хранило и казнило,
И называлось Бог.

(Ноябрь 1973 г. Владимирская тюрьма № 2)

В книге «Поэзия узников ГУЛАГа» собрано более трёхсот авторов. Разумеется, они разного достоинства. Настоящих поэтов среди них не так уж и много. Но в этих погибельных условиях, кроме феномена творчества, как такового, обнадеживает светлая аура — у самых здравомыслящих, самых свободолюбивых... Их, конечно же, меньшинство, уверовавших: «где Дух Господень, там свобода».

Выпрямиться, подняться,
Свет разглядеть во тьме.
Жизнь полюбить — и остаться
Вольным в самой тюрьме.

Марина Ямпольская

Молодой, смертельно-больной Юрий Галь утверждает даже, что здесь, в тюрьме — средоточие свободы, потому что в тюрьме оказались люди, постигнувшие её абсолютную ценность.

Нас двадцать смертников в клетушке,
К нам не доходит солнца луч,
Но с нами Гете, с нами Пушкин,
И дух наш светел и могуч.
Как ночь — гремит ключами стража:
”На двор!“ — Проверка иль расстрел?

Мы к этому привыкли даже
Никто пощады не хотел.
Дни перед казнью. Будто роды,
Мучительная благодать.
Но приобщившихся свободы
Уже ничем не запугать.
Как Божий мир премудр и чуден!
Высокая стена. Тюрма.
Внутри: свобода, правда, люди
Снаружи: рабство, звери, тьма.

Неволя дала опыт внутреннего ощущения свободы, которая никому не навязывается. Даниил Андреев открыл её для себя, спускаясь в глубины души, в потёмки подсознания и даже, «в миры демонические». Их описывать куда проще, чем пути восходящие к сферам заоблачных сияний. И всё же он решается. Результатом чего стала его книга «Роза мира», созданная в тюрьме. Поэт неуязвим, осенённый тютчевским призывом: ”Молчи, скрывайся и таи / и чувства и мечты свои“

...

Ты осуждён. Молчи. Неумолимый рок
Тебя не первого привёл в сырой острог.
Дверь замурована. Но под покровом тьмы
Нащупай лестницу — не ввысь, но вглубь тюрьмы.
Сквозь толщу мокрых стен, сквозь крепостной редут
На берег ветренный ступени приведут.
Там волны вольные, — отчаль же! правь! спеши!
И кто найдёт тебя в морях твоей души?

Рок, как неумолимый поводырь, исключает свободу в христианском её понимании. Но он и не был христианским мистиком, он был поэтом. Он мечтал о взаимопонимании религий, о великой созидательной миссии, которую они могут сообща осуществить на земле. В его романе, исчезнувшем на Лубянке, есть знаменательный эпизод. Тюремная камера свела вместе трёх человек, представителей трёх религий: индолога, православного священника и муллу. Все трое молятся за несчастных сокамерников и друг за друга.

Неволя разрушает канонические преграды, делает близкими людей, объятых одной опасностью, как зверей, спасающихся из лесного пожара. Рядом оказываются и волк и рысь, и олень. Это триединство в тюремной камере вовсе не модель некой суперэкуменической религии. Горе сближает людей, приглушает звериные инстинкты, которые, как известно, до неба не доходят.

Откровение пророка Исаяи, даёт нам схожую картину, но — только в Царстве Мессии, когда вся «земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море», тогда «и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе».(Ис.11:9)

Поэт Даниил Андреев, наделённый пророческим даром, мог видеть эсхатологическую перспективу в убогом и трагическом настоящем.

Молитвенное чувство мерцает в состояниях бесправного человека, в его стихах. Оно имманентно человеческой душе. Оно обращено ввысь, к небу, к звёздам. Звезда — частый мотив возвышенных переживаний. Особенно на просторах русского романа, откуда перекочевала и в тюремную лирику, и в натальную живопись татуировок. Но Вифлеемская звезда от них отличается. Религиозное чувство имеет двуединую направленность: ввысь и вниз одновременно. Оно обращено к небу, которое на земле. Вифлеемская звезда заглянула не в хлев, согретый дыханием волов, а в ледяную пустыню и озарила её ослепительной красотой.

Звезда играет над тайгою,
Над снежно-искристой землёй, —
Воспоминанье дорогое —
О чём? И точно ли — зимой?

Да! Драгоценное, живое
Очарованье навсегда:
Пахучая — с мороза — хвоя,
Снег, Вифлеемская звезда...

Волхвы... Прости кощунство, Боже, —
Каким волхвам, кому поведем? —
Скажи: Ты на Голгофе тоже
Сквозь слёзы видел Вифлеем?

... Звезда Халдеи над тайгою,
И над снегами, в звёздах , — ТЫ...
Ты, Боже, Ты!.. Кто б мог такое
Излить сиянье красоты!

Сергей Бондарин

Небесный свод был тем единственным куполом храма, под которым можно было беспрепятственно молиться. Особенно ночью, под мерцающим покровом Божественного присутствия.

Ночь под звёздами

Свершает ночь своё Богослужение,
Мерцая движется созвездий крестный ход.
По храму неба стройное движение
Одной струёй торжественно течёт.

Едва свилась закатная завеса,
Пошли огни, которым нет числа:
Крест Лебеда, светильник Геркулеса,
Тройной огонь созвездия Орла.

Прекрасной Веги нежная лампада,
Кассиопеи знак, а вслед за ней
Снопом свечей горящие Плеяды,
Пегас и Андромеда, и Персей.

Кастор и Поллукс друг за другом близко
Идут вдвоём. Капеллы хор поёт,
И Орион, небес архиепископ,
Великолепный совершают ход.

Обходят все вокруг чаши драгоценной
Медведицы... Таинственно она
В глубинах неба, в алтаре Вселенной

Векам веков Творцом утверждена.

Но вот прошли небесные светила,
Исполнен чин, творимый бездны лет,
И вспыхнуло зари паникадило,
Хвала Тебе, явившему нам свет!

Александр Солодовников

1940. Колыма. Ночная смена

Елена Владимировна Вержбловская, в иночестве монахиня Досифея, была арестована в 1939 году. Следователь выбивал из неё показания. Она прозрачная, хрупкая, он — сутулый минотавр с пудовыми кулачищами. Бил не по лицу, но, падая, она разбила голову и кровь залила ей глаза. Она потеряла сознание. Во всё время допроса и под ударами она молилась «Spiritus dominat forma, Spiritus dominat forma, Дух побеждает тело». Пришла в себя, почувствовав холодное полотенце на лице и его мягкие ладони. Он держал её за плечи, говорил какие-то не казённые слова, в интонации слышалась просьба о прощении. У него был человеческий взгляд.

Молитва всеильна.

Максимилиан Волошин в 21 году пишет: «Мы выучились верить и молиться за палачей...». Известен случай с генералом Н.А.Марксом, которого Волошин в буквальном смысле отмолил, спас от казни. По убеждению христианина, человек, убивающий другого, убивает и себя тоже. Он — тоже жертва. Жертва самого себя — скрытых или неуправляемых демонических сил. И, значит, нуждается в сострадании, в участии. И что, как не молитва участливого человека, может смягчить его сердце! Духовное усилие поэта наверняка сказывалось в критической ситуации. Создавало, как бы мы сейчас сказали, активное поле, разряжающее ожесточённую напряжённость. И доводы милосердия бывали услышаны. Подкреплю эту мысль своим стихотворением.

Молиться за врагов, за окаянных, — значит
Желать врагам добра. Так праведник сказал.
И он, конечно, прав. Но плеть давненько плачет
По ним. Я сам бы их прилюдно наказал.

Вдруг промелькнёт во сне — страшной летучей мыши
Знакомый супостат. И мучаюсь без сна.

Да будут их сердца объаты светом свыше.

Да будет их любовь избыточно полна.

Молиться за врагов, как за себя бороться.

Сберечь душевный жар, льда растопив скалу.

От призрачных затей спасает миротворца

Желание добра, а не потворство злу.

Но разве не молились в неволе десятки тысяч священников?..

Непостижим промысел Господень...

Россия вошла в революцию безбожной страной. Вспомним Лескова, который звонил во все колокола: «Евангелие в России ещё не проповедано». И в ГУЛАГ провалилась, толком не понимая, что произошло. Она, с перебитым хребтом, и сегодня ещё не выбралась до конца из этой ямы. Насилие обретает цивилизованные формы. ГУЛАГ наше дурное наследие, оно и в крови и воздухе, и в цинизме человеческих отношений: «Умри ты сегодня, а я завтра»

Но ГУЛАГ это и испытание, которое с помощью Божьей должны же мы одолеть...

Я очень хорошо помню 1953, 55, 57 годы — волны амнистий... Они всколыхнули нашу юность... пленили раннего Высоцкого заблатнённой романтикой. Они, повторяю, ещё не схлынули из нашей жизни. Ибо «горе народу без слова Божьего»

(В.Марцинковский)

...

Споспешествует Истина идеям.

Одним демократическим затеям

Не удержать благого устремленья.

Народ без Слова Божьего — потерян.

И обречён на самоистребленье.

Народ без Слова Божьего — пучина,

Выталкивающая на поверхность сонмы бестий.

Лишь в этом вековечная причина,

Твержу, — российских окаянств и бедствий.

И в каждом жлобстве, шельмовстве, убийстве
Слепорождённых выпучены недра.
Народ без Слова Божьего, как листья,
Мятущиеся от ветра.

Твержу и повторяюсь без смущенья,
Что ревностью кому-нибудь наскучу.
Народ без Слова Божьего — камень,
Остатки рода, собранные в кучу.

А важным господам, уж, если метят
В поводыри на нашем бездорожье,
Ох и зачтётся... Что они ответят
Тому, Кто поручил им Слово Божье?...

Александр Зорин